

О ДИСКУССИОННЫХ ВОПРОСАХ СЛАВЯНСКОЙ АСПЕКТОЛОГИИ С ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

On Some Debatable Issues in Slavic Aspectology
from a Typological Perspective

Елена Васильевна Петрухина
elena.petrukhina@gmail.com

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
(Москва, Россия)

Elena V. Petrukhina
elena.petrukhina@gmail.com

M.V. Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

ISSN: 1698-322X ISSN INTERNET: 2340-8146

Fecha de recepción: 11.11.2021

Fecha de evaluación: 18.12.2021

Cuadernos de Rusística Española n° 17 (2021), 15 - 33

РЕЗЮМЕ

В статье анализируются аспектуальные категории деривационного типа и разная степень их грамматикализации в славянских и неславянских языках, а также соответствующие термины: предел, предельность, целостность, перфективация. Показано, что значение данных терминов, обычно трактуемых как универсальные, во многом зависит от особенностей аспектуальной системы конкретного языка. Представлена аргументация необходимости терминологического разграничения лексической и грамматической предельности в лингвистике. На конкретном языковом материале демонстрируется, что при единой концептуальной базе славянского вида между русским, чешским и словенским языками имеются некоторые различия в категориальной семантике совершенного вида. С использованием ряда фундаментальных исследований российских типологов продемонстрировано, что перфективность в грузинском, в балтийских и ряде других языков с аспектуальными системами «славянского стиля» отличается от славянской перфективности, так как не исключает, как в славянских языках, выражение перфективными глаголами процессуальности действия и их сочетаемость с фазовыми глаголами.

Ключевые слова: аспектуальные категории деривационного типа, славянские языки, глагольный вид, предельность, «славянский стиль».

ABSTRACT

The article analyses aspect categories of derivation type and the difference in the degree of their grammaticalization in Slavic and non-Slavic languages, as well as respective terms, namely: limit, telicity, totality, and perfectivation. It is shown here that the meaning of the given terms, usually interpreted as universal, depends to a large extent on the properties of the aspectual system of a particular language. The necessity to distinguish lexical and grammatical telicity in terminology is explained in the present article. Based on the selected language material it is shown that having a single conceptual base of Slavic aspect, Russian, Czech and Slovenian differ to some extent in the categorial semantics of perfective aspect. The analyses of some fundamental studies by Russian typologists reveals that perfectivity in Georgian, Baltic and a number of other languages with aspectual systems of "Slavic style" differs from Slavic perfectivity. It does not exclude, as in the case of Slavic languages, the expression of a processual action by perfective verbs, and their collocation with phase verbs.

Keywords: aspect categories of derivation type, the Slavic languages, verb aspect, telicity, “Slavic style”.

1. ВВЕДЕНИЕ

В центре внимания данной статьи находится аспектуальная терминология, проблема неоднозначной трактовки ряда терминов в славистике и типологии, возникающая, по нашему мнению, из-за «смешения конкретно-языковых и универсальных особенностей категории аспекта» (Плунгян 2011: 303). Соответственно мы проводим сравнение универсальной интерпретации аспектуальных терминов с их конкретным использованием по отношению к отдельным языкам, где представлены аспектуальные категории деривационного типа¹. С этой точки зрения здесь анализируются понятия предельных ситуаций, предельности и предела, связанное с ними определение сущности и механизма перфективации в славянских и неславянских языках, а также категориальная семантика совершенного вида в русском языке в сопоставлении с некоторыми другими славянскими языками.

Неоднозначность соответствующих терминов и вообще «запутанность теории предельности» (Татевосов 2015: 62) отмечают многие исследователи (Гиро-Вебер 1990: 103-105, Горбов, Горбова 2012; Аркадьев 2015: 21-22). Наш анализ показал, что трактовка предельности во многом зависит от грамматических особенностей языков, на материале которых анализируется данное понятие. Это утверждение справедливо и для целого ряда других терминов, в частности такого как «перфективация», определение которого в заключительном разделе рассматривается в славистике и типологии в сравнительном ракурсе. Кроме того, между отдельными славянскими языками также могут проявляться различия в категориальной семантике СВ и использовании соответствующих терминов, которые здесь мы рассматриваем на материале русского, чешского и словенского языков как представителей восточнославянской, западнославянской и южнославянской групп языков.

2. ТЕОРИЯ ПРЕДЕЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

2.1. Сопоставление трактовки предельности в трудах А. А. Холодовича и Ю. С. Маслова. Широко известно, что в российскую лингвистику понятие предельности и соответственно предельных / непредельных ситуаций и глаголов было введено А. А. Холодовичем. Но менее известно, что данное понятие было разработано А. А. Холодовичем на материале японского и корейского языков и что это обусловило специфику данного понятия, которая не учитывается при его применении к анализу русского глагола. По А. А. Холодовичу, предельные глаголы

1. В данной статье не рассматриваются аспектуальные системы словоизменительного типа, такие как, например, в испанском языке, см. (Guzmán Tirado, Herrador 2002, Гусман Тирадо 2012, Горбова 2012).

выражают «состояния с одной степенью свободы», а непредельные — «состояния со многими степенями свободы» (Холодович 1963: 8). Например, глаголы типа *садиться / сесть* выражают действия, после завершения которых наступает предопределенное состояние субъекта 'сидеть'. А глаголы типа *ходить, лежать, плакать* соответствуют определению непредельных глаголов: в своем значении они не предполагают указания на предопределенное состояние после завершения называемого действия. Так, за состоянием «ходить» могут следовать другие состояния типа «он ходил, ходил и ушел», «он ходил, ходил и наконец сел», «он ходил, ходил и заплакал» и многие другие (Холодович 1979: 139).

На первый взгляд определение предельных и непредельных глаголов А. А. Холодовичем не противоречит трактовке предельности в трудах Ю. С. Маслова (и в целом в Ленинградской, позже Петербургской, аспектологической школе и Теории функциональной грамматики, см. ниже). Предельные глаголы «*обозначают действия, которые по своей природе предполагают, хотя бы в отдаленной перспективе, достижение известного предела, кладущего конец действию*» (Маслов 1963: 7) (ср.: *падать — упасть, строить — построить*). Соответственно «*предельность есть входящее в семантику глагола указание на внутренний, самой природой данного действия предусмотренный предел. Обычно действие в своем протекании направлено к этому пределу и в случае его достижения должно исчерпать себя и прекратиться... Непредельность — это отсутствие внутреннего предела, который бы ограничивал течение действия хотя бы в перспективе*» (Маслов 2004: 29-30), ср.: *работать, сидеть, смеяться, ходить*.

В определении А. А. Холодовича актуализирована предсказуемость единственного состояния, следующего за данным действием, тогда как в определении Ю. С. Маслова в центре интерпретации действия находится идея конечного предела, по достижении которого действие исчерпывается. Между двумя теориями нет противоречий в интерпретации приведенных выше непереходных глаголов, причем как русских, так и японских: трактовка глаголов типа *садиться / сесть, падать / упасть* (яп. *отиру* 'упасть') как предельных и *смеяться* (яп. *варау*), *ходить* (яп. *арукимавару*) как непредельных в рамках обеих концепций совпадает (Петрухина, Канеко 2017). Различия проявляются при анализе переходных глаголов, выражающих действия, направленные на объект, типа *строить / построить* (яп. *татэру*). Глаголы типа *строить, делать* в русском языке составляют ядро предельных глаголов, а в японском они входят в класс процессуальных (по А. А. Холодовичу, непредельных) глаголов вместе с такими глаголами, как *варау* 'смеяться', *арукимавару* 'ходить'. Более того, и русские глаголы *читать, есть, делать* А. А. Холодович относит к непредельным (Холодович 1963: 3-4), причем независимо от заполнения объектной валентности.

Все становится понятным, если проанализировать аспектуальную классификацию японских глаголов, на материале которых и была разработана теория А. А. Холодовича. Дело в том, что в японском языке состояния с одной или многими степенями свободы рассматриваются лишь по отношению к состоянию субъекта, но никак не объекта, так как аспектуальная классификация японских глаголов непосредственно связана с переходностью / непереходностью и с синтаксической категорией диатезы. В японском языке представлены диатезные пары глаголов, в которых переходный глагол выражает действие агенса, а непереходный — состояние объекта

старой и субъекта новой глагольной ситуации (например: *окосу* — *окиру* ‘будить — пробудиться’; *вакасу* — *ваку* ‘кипятить — вскипеть’; *ору* — *орэру* ‘ломать — сломаться’). Соответственно переходный член подобных пар обычно функционирует в японском языке как процессуальный (т. е. непредельный) глагол, а непереходный — как моментальный и результативный (т. е. предельный) глагол, подробнее см. (Петрухина, Канеко 2017).

Для обобщения выявленных расхождений в аспектуальной классификации русских и японских глаголов рассмотрим определение универсальной категории предельности в типологическом исследовании «Типология результативных конструкций» (Недялков 1983). «К предельным относятся прежде всего (1) глаголы, обозначающие переход из одного состояния в другое или приобретение качества, например, русские *сесть, упасть, забыть, созреть, покраснеть, сломаться* (*сесть* означает «перейти из состояния “стоять” в состояние “сидеть”» и т. п.), (2) а также соответствующие каузативы, например, *усадить, повалить, сломать* (*усадить* значит «каузировать *сесть*» и т. п.). Кроме того, (3) предельными являются также глаголы, обозначающие целенаправленные действия, которые не могут продолжаться после того, как цель достигнута, например, *варить, строить* (нет смысла продолжать варить кашу после того, как она уже сварилась). Непредельными являются глаголы, не обязательно предполагающие одну определенную цель (*работать, бежать, пить, смотреть*), а также обозначающие состояние (*лежать, знать*) (нумерация групп — Е. П.)» (Недялков 1983: 6-7).

Приведенное выше определение А. А. Холодовича соответствует лишь 1-й группе глаголов, а суть принятого в российской лингвистике понятия предельных глаголов выражает характеристика 3-й группы, но третье определение, в отличие от первого, может быть применено и к остальным группам глаголов. Все выделенные группы предельных глаголов имеют в своем значении указание на предел в развитии действия, по достижении которого действие прекращается и начинается новое состояние либо субъекта, либо объекта действия: *ложиться* — *лечь* (новое состояние субъекта: *лежать*), *писать* — *написать письмо*, *печь* — *испечь пирог* (новое состояние объекта: *письмо написано, пирог испечен*). При этом в семантике русских (и вообще славянских) глаголов НСВ этот предел представлен как потенциальный, а у глаголов СВ как реализованный.

В типологии преобладает именно такое понимание предельных процессов: они «описывают направленные изменения, имеющие определенную последовательность — и, что самое главное, определенное завершение. Если такой процесс будет развиваться нормально, то рано или поздно он завершится, исчерпав себя, т. е. достигнув своего естественного конца» (Плунгян 2011: 79). В лингвистике предлагается целый ряд терминов для номинации предельных ситуаций: *boundness, telicity, limit, terminativity* (Durst-Andersen 1992: 31; Горбов, Горбова 2012). Специфика данных английских терминов, претендующих на универсальность, во многом определяется сложным взаимодействием аспектуальных глагольных классов с грамматическими категориями английского языка, от которого зависят типы категоризации темпоральной структуры ситуаций (Падучева 2009).

В. А. Плунгян представил решение концептуальной и терминологической проблемы создания универсально-типологической модели аспекта, приложимой ко всем

языкам, как системы универсальных семантических элементов, «характеризующих внутреннюю временную структуру ситуации (распределение ситуации на оси времени)» (Плунгян 1998). В нее входят такие семантические элементы, как 'мгновенность / краткость' (пунктив: *вспыхнул*), 'достижение естественного предела' (комплетив: *открыл*), 'вложенность в более протяженный временной интервал' (лимитатив: *поспал*). Важной составляющей такой модели являются универсальные кластеры, связанные с полисемичными конкретно-языковыми показателями, в рамках которых данные семантические элементы взаимодействуют. «Наиболее распространены такие кластеры, как имперфектив (совмещающий дуратив, прогрессив и хабитуалис), перфектив (совмещающий пунктив, лимитатив, инцептив и комплетив), расширенный перфект (совмещающий результативный перфект и элементы перфективного кластера), однако встречаются и другие комбинации, в настоящее время описанные явно недостаточно» (Плунгян 2011: 295). Но и при таком подходе необходимо принимать во внимание конкретно-языковую специфику реализации (возможно, и модификации) универсальных семантических элементов, в том числе лексический или грамматический способ их выражения и взаимодействие с другими грамматическими категориями глагола (о чем свидетельствует приведенный выше пример различий в классификации предельных и непредельных глаголов в русском и японском языках).

2.2. Предельность в одно- и двухкомпонентных видовых теориях.

Пониманию причин неоднозначного использования рассматриваемых понятий в русистике способствует также анализ однокомпонентной и двухкомпонентной видовых теорий, разграничение которых впервые представила К. Смит на основе определения двух независимых, но взаимодействующих компонентов — типа ситуации (предельной или непредельной) и ракурса интерпретации ситуации (Смит 1998). В двухкомпонентной теории вида реализуется идея «последовательного различения акциональных и видовых значений» (Татевосов 2015: 29). С точки зрения двухкомпонентного подхода предложения типа *Джон ел яблоко* и *Джон съел яблоко* «описывают, хотя и под разными углами зрения, одну и ту же ситуацию». А для однокомпонентных видовых теорий характерно представление о том, что подобные предложения «содержат в своем означаемом разные ситуации» (Там же: 31). В качестве примера однокомпонентной теории С. Г. Татевосов приводит трактовку категории вида в русском языке, изложенную в (Зализняк, Шмелев 2000), где содержание видовых граммем определяется без разграничения собственно грамматической и акциональной (лексическо-грамматической) семантики: глаголы СВ (независимо от акционального класса глагольной лексемы) всегда обозначают события, а глаголы НСВ могут обозначать состояния, процессы и события (Зализняк, Шмелев 2000: 36; Татевосов 2015: 31).

Своеобразным вариантом однокомпонентной видовой теории можно, по всей видимости, рассматривать и аспектуальную теорию Ю. С. Маслова и А. В. Бондарко (в рамках «Теории функциональной грамматики» — ТФГ), где лексический и грамматический типы пределов рассматриваются в одной системе терминов (Маслов 1984; Бондарко 1986, 1987). В самом общем смысле предел действия понимается как «его временная граница, ограничение его протекания во времени» (Бондарко

1987: 46). Ю. С. Маслов в связи с аспектуальной семантикой глагола разграничивает внутренний и внешний пределы. «Предельность есть входящее в семантику глагола указание на внутренний, самой природой данного действия предусмотренный предел. Обычно действие в своем протекании направлено к этому пределу и в случае его достижения должно исчерпать себя и прекратиться (ср.: Он перепиливает бревно) ... Непредельность — это отсутствие внутреннего предела, который бы ограничивал течения действия хотя бы в перспективе». В семантике же таких глаголов, как *полежать*, *поговорить*, *пролежать* «есть указание на предел, но он является не внутренним, а только внешним» (Маслов 2004: 29–30, 32)².

Таким образом, глаголы СВ, по Ю. С. Маслову, всегда предельны, а глаголы НСВ могут быть предельными и непредельными. Такую же позицию занимает и А. В. Бондарко: «несоотносительный НСВ — непредельность; видовые пары и несоотносительный СВ — предельность» (Бондарко 1987: 59), т.е. парные глаголы НСВ и СВ (типа *строить* — *построить*, *перепилить* — *перепиливать*) и непарные глаголы СВ типа *за шуметь*, *про шуметь* рассматриваются как предельные. Такая точка зрения преобладает в русистике. Она представлена во многих университетских учебниках, например, в (Лекант 2013: 508-517). В академической Русской грамматике (1980) понимание предельности уточняется: определено разграничение грамматической предельности, выражаемой глаголами СВ, и предельности, определяемой семантикой глагольной основы. «Значение ограничения действия пределом свойственно всем глаголам сов. вида. Но значение достижения действием предела как некоей критической точки, после чего действие, исчерпав себя, должно прекратиться, свойственно не всем глаголам. Это зависит от семантики глагольной основы. Одни глагольные основы способны по своей семантике выразить в сов. виде достижение этой критической точки (*побелить*, *написать*, *вспахать*), а в несов. виде - стремление к ее достижению (*белить*, *писать*, *пахать*); такие глаголы называются глаголами с предельным значением основ. Другие глагольные основы не способны по своей семантике выразить достижение или стремление к достижению такого предела, это глаголы с непредельным значением основ (*лежать*, *спать*, *грустить*)» (Шведова 1980: §1386).

Мы в своих исследованиях придерживаемся концепции двухкомпонентной теории, последовательно разграничивая аспектуальную семантику глагольной основы и грамматические значения совершенного и несовершенного вида.

2.3. Разграничение лексической и грамматической предельности. В трудах В. В. Виноградова признак предела действия применяется по отношению к грамматической семантике СВ. По В. В. Виноградову, «в понятии совершенного вида основным признаком является признак предела действия, достижения цели, признак ограничения или устранения представления о длительности действия». «Обозначение результата является одним из основных значений совершенного вида,

2. А. В. Бондарко данные термины понимает несколько иначе, говоря о внешнем пределе в том случае, если ограничение действия выражено не в самом глаголе, а в окружающем его контексте (ср., например, *до трех часов*) (Бондарко 1987: 46).

но не единственным». «Основная функция совершенного вида — ограничение или устранение представления о длительности действия, сосредоточение внимания на одном из моментов процесса как его пределе. Обозначение действия в его течении, не стесненной мыслью о пределе процесса в целом, — основное, общее значение несовершенного вида» (Виноградов 1972: 394).

Итак, термины «предел», «предельный», «предельность» в русистике употребляются 1) либо только по отношению к лексико-грамматическим классам глаголов (см. упомянутые выше работы А. А. Холодовича и «Типологию результативных конструкций»), причем независимо от вида глагола, 2) либо и по отношению к лексико-грамматическим классам глаголов, и по отношению к категориальному значению совершенного вида (см. приведенные работы А. В. Бондарко и Ю. С. Маслова), 3) либо только по отношению к категориальной семантике СВ (Виноградов 1972: 394). Поэтому в ряде исследований было предложено терминологически разграничить лексическую и грамматическую категоризацию предела действия. Так, Х. Р. Мелиг считает необходимым различать предельность лексическую (предельность₁) и грамматическую (предельность₂), введя для первой термин «трансформатив», или «терминатив» (Мелиг 2003).

Мы также считаем целесообразным «развести» терминологически предельность лексическую, обобщающую аспектуальные характеристики лексической семантики глагола, и предельность грамматическую, представляющую особый уровень категоризации действия с точки зрения его протекания во времени. Поэтому в своих исследованиях, вслед за Х. Р. Мелигом, для лексической предельности используем термины «терминативный» / «нетерминативный» (лат. *terminus* — ‘предел, граница’) (Петрухина 2012: 52-56), а термины «предел», «предельность» и сочетания с ними — «актуализация предела», «ограничение действия пределом», «грамматическая предельность», оставляем для определения категориальной семантики совершенного вида. Важно отметить, что И. Б. Шатуновский в своей монографии о русском виде назвал «определение СВ как содержащего указание на ограничение действия пределом (и НСВ — как не содержащего такого указания)» «наиболее адекватным» (Шатуновский 2009: 31).

К аналогичному выводу о необходимости «не смешивать акциональные и грамматические противопоставления» пришел также П. М. Аркадьев, но термины «терминативный» / «нетерминативный» он предложил употреблять по отношению к грамматической предельности, «чтобы не накладывать *a priori* славянскую систему координат на другие языки» (Аркадьев 2015: 22-23). Нам же важно сохранить термин «предел» для анализа специфики грамматической семантики совершенного вида в русском языке. Это необходимо для сопоставления категории вида в русском и других славянских языках, так как славянские языки различаются разной степенью актуализации границ (предела) действия в семантике совершенного вида. Идея предела как временной границы между смежными ситуациями для русского глагольного вида и всей аспектуальной системы в целом более значима, чем для западнославянских и некоторых южнославянских языков, это понятие позволяет точнее описать специфику русского вида на славянском фоне (Петрухина 2009).

2.4. О категориальном значении СВ в славянских языках: ПРЕДЕЛЬНОСТЬ и ЦЕЛОСТНОСТЬ. С учетом сочетаемости и основных функций глаголов СВ и НСВ в славянских языках категориальные видовые значения определяются во многих исследованиях на основе признака ‘целостности’ и ‘временной границы, или ограничения действия временным пределом’. О других подходах к определению граммем видов см. в (Петрухина 2012: 33-44). Первый признак — ЦЕЛОСТНОСТИ — активно использовался во второй половине XX века в чешской, словацкой, польской, болгарской лингвистике, подробнее см. (Петрухина 2012: 38–39), а также в трудах Ю. С. Маслова (1984: 15-16; 2004: 35), в ряде ранних работ А. В. Бондарко (1971).

Этот признак (*totality — celostnost'*) получил дополнительное обоснование в начале XXI века в работах С. Дики. (Dickey 2000, 2003, 2011), где данный термин используется для определения категориального значения СВ в «западной» подгруппе славянских языков (с расширенным пониманием территориального признака), а именно в лужицких, чешском, словацком, словенском, сербском и хорватском языках. В «восточнославянской» подгруппе (русский, белорусский и украинский, польский, болгарский и македонский языки) для определения граммем видов С. Дики предлагает абстрактный признак «временной определенности» как «временной локализации»: СВ выражает временную (темпоральную) определенность и НСВ — временную (темпоральную) неопределенность (*temporal definiteness / indefiniteness*) (Dickey 2000: 109). Ситуация рассматривается как темпорально определенная, если она представлена как смежная во времени к другим качественно различным ситуациям (Dickey 2000: 26-27).

Предлагаемые С. Дики семантические признаки целостности и темпоральной определенности (локализации) являются традиционными для славянской аспектологии и для Теории функциональной грамматики (ТФГ) А. В. Бондарко. Но в ТФГ они относятся к разным функционально-семантическим категориям — аспектуальности и временной локализованности / нелокализованности. Аспектуальность в ТФГ определяется как семантический категориальный признак, характеризующий протекание и распределение действия во времени, а также как функционально-семантическое поле (ФСП) языковых средств, объединенных этим значением (Бондарко 1987: 12). В связи с ФСП временной локализованности / нелокализованности *«речь идет об отображении в языковой семантике конкретного местоположения тех или иных процессов и событий в однонаправленном и необратимом потоке времени»* (Бондарко 1987: 211). Но, используя признаки целостности и временной определенности / неопределенности, которые относятся к разным функционально-семантическим категориям и полям, трудно объяснить все случаи расхождений в употреблении видов между русским и западнославянскими и некоторыми южнославянскими языками.

Мы исходим из концептов ПРЕДЕЛА и ЦЕЛОСТНОСТИ, представляющих единую область темпоральных моделей действия, изучая их разное профилирование (актуализацию) в граммемах СВ и НСВ в отдельных славянских языках, что позволяет нам продолжить объяснительную линию в исследованиях употребления видов в славянских языках.

В последних работах А. В. Бондарко и в «Русской грамматике» (Шведова 1980: 586) при определении категориальной семантики видов, как известно, используются оба концепта: ЦЕЛОСТНОСТЬ и ПРЕДЕЛЬНОСТЬ (как ограничение действия

пределом). «Мы рассматриваем категориальное значение СВ как комплекс близких, но все же отличающихся друг от друга признаков, составляющих единство «Ц–ОГР» — «ограниченное пределом целостное действие» (Бондарко 2002: 370). Это последнее определение, по нашему мнению, не противоречит трактовке семантики категории вида В. В. Виноградовым, приведенное выше. Рассмотрим данный тезис подробнее.

Ограничение или устранение представления о процессуальности и длительности действия в славянских языках реализуется двояко: при интерпретации действия как единого кванта, неразложимого на фазы, т. е. целостно, и как актуализация временной границы или кульминационной, завершающей точки в развитии действия, как его предела. При этом славянские языки могут различаться профилированием данных концептов, т. е. фокусом внимания в рамках единой концептуальной базы.

Для русского глагольного вида и всей аспектуальной системы в целом более значима, чем для вида в чешском и словенском языках, идея ПРЕДЕЛА как временной ГРАНИЦЫ между смежными ситуациями (с возможной актуализацией конца предшествующей ситуации или начала следующей), а для категории вида в чешском и словенском языках — представление о нерасчленном начале-конце действия, о ЦЕЛОСТНОСТИ (Petrukhina 2018).

Разное профилирование категориальной семантики совершенного вида в сопоставляемых славянских языках проявляется в целом ряде фактов употребления видов, в частности следующих. Русский язык отличается от названных славянских языков более последовательным выражением временных границ действия. Это проявляется в семантике и функционировании как предельных (терминативных) глаголов совершенного вида (СВ), так и фазисно-временных способов действия (у глаголов СВ с приставками *za-*, *po-*, *do-*, *ot-* и др.). В чешском и словенском языках в семантике глаголов СВ, в том числе и с приставками *za-*, *po-*, идея границы действия выражена менее четко, чем в русском языке. Актуализация конечной границы действия в этих языках во многих случаях нуждается в контекстной поддержке (в частности в употреблении наречий, подчеркивающих завершение и исчерпание действия: чешск. *dost*, словенск. *dosti*, *dovolj* — ‘достаточно’). Так, глаголы деятельности с приставкой *po-* (делимитативы) в русском языке могут выражать окончание действия в данной конкретной ситуации. Поэтому отличительной особенностью делимитативов в русском языке, в сравнении с западнославянскими языками, является их функциональное сближение с видовыми коррелятами (Петрухина 2012: 185-190; Dickey, Hutcheson 2003: 34-35). На первый план значения делимитатива может выступать не представление об ограниченной длительности, а актуализация конечной границы действия. Ср. *Ты уже позанимался? / поплавал?* В чешском и словенском языках делимитативы не обладают выраженной семантикой окончания действия, поэтому в подобных контекстах без лексической поддержки семантики конца действия практически не употребляются. *Мы потренировались, идем домой.* — чешск.: *Dneska jsme si už DOST (po)cvičili, jdeme domů*; словенск. *Danes smo že DOVOLJ trenirali, gremo domov*.

Начальная граница в нарративе из трех сопоставляемых языков (русского, чешского и словенского) более последовательно выражается в русском языке, причем как начинательными приставками, так и аналитическими конструкциями

с фазовыми глаголами, значительно реже она выражается в чешском и словенском языках (Петрухина 2019). Например, в этих языках нет глаголов движения с начинательной приставкой *po-* (ср. *пошел быстрее*), практически отсутствуют словообразовательные модели глаголов со значением начала деятельности (типа русской модели с приставкой *за-*: *забегал по комнате*). Если русскому языку свойственно выражение начала спонтанного восприятия при помощи глаголов СВ с приставкой *у-*, то в чешском языке в сходных контекстах начало такого восприятия может быть и не выражено (при употреблении бесприставочного глагола *vidět*): *Он быстро встал, как только увидел, что приближается Иван.* — чешск. *Rychle vstal, jakmile viděl / uviděl, že se blíží Ivan.* *Он это испортил, вот увидишь* — *A zkazí to, budeš vidět / uvidíš.* В словенском языке в подобных контекстах употребляется бесприставочный глагол *videti*, который является двувидовым: *Čim je videl, da se bliža Ivan, je hitro vstal. On bo to pokvaril, boš videl.*

В наших исследованиях было также выявлено, что разная актуализации временных границ действия в семантике глаголов СВ в русском и чешском обуславливает и расхождения между данными языками в употреблении форм категорий времени и залога (Петрухина 2015). Различия в категориальной семантике СВ определяют также особенности семантики и употребления глаголов НСВ, но этот вопрос мы не имели возможности рассмотреть в рамках данной статьи, см. (Петрухина 2013).

Таким образом, в русском языке семантика глаголов СВ рассматривается как в терминах грамматической ПРЕДЕЛЬНОСТИ и актуализации ПРЕДЕЛА действия, так и его ЦЕЛОСТНОСТИ. В чешском и словенском языках в семантике глаголов СВ в большей степени профилируется целостное представление действия, без выделения его границ. Важно подчеркнуть, что разное профилирование концептов ПРЕДЕЛА и ЦЕЛОСТНОСТИ в семантике СВ в отдельных славянских языках не разрушает единой концептуальной базы славянской категории глагольного вида: во всех славянских языках (за исключением лужицких языков, которые мы здесь не рассматриваем) глаголы СВ не могут обозначать открытый процесс, разложимый на фазы. Об этом и соответственно о системной общности категории вида в славянских языках и категориальной общности семантики видов свидетельствует грамматикализация деривационных процессов префиксации и суффиксации глаголов — перфективация и имперфективация, проявляющаяся прежде всего в ограничениях на сочетаемость и употребление глаголов СВ, характерных для всех славянских языков.

3. АСПЕКТУАЛЬНЫЕ ДЕРИВАЦИОННЫЕ КАТЕГОРИИ В ЯЗЫКАХ МИРА

3.1. Славянский вид как морфологическая категория деривационного типа. Известно, что структура славянской категории вида определяется бинарной оппозицией глаголов СВ и НСВ, большая часть которых находится в деривационных отношениях, — это морфологическая деривационная категория, особенности которой мы представим здесь на материале русского языка (Петрухина 2014). От простых глаголов НСВ образуются приставочные глаголы СВ (*расти* — *вырасти*, *зарастить*, *отрастить*; *писать* — *написать*, *записать*, *переписать*), от большинства из них возможно образование вторичных имперфективов (*вырастать*, *зарастать*,

отрастать; записывать, переписывать). А к некоторым вторичным имперфективам, в свою очередь, возможно добавление супралексических, или внешних, префиксов (Татевосов 2009, 2013), которые вновь меняют вид глагола и образуют стилистически маркированные глаголы СВ (*позарастать, назаписывать, попереписывать*). Очевидно, что очередной деривационный шаг «отменяет», «зачеркивает» грамматический результат предшествующего шага, при этом его сегментный показатель остается в словоформе, а видовое значение «зачеркивается».

Цепочки отменяющих деривационных переходов при видообразовании проанализировал М. В. Панов. «Каждая новая ступень меняет значение вида: исходная = несовершенный вид; приставочная ступень — поворот на 180 градусов = совершенный вид; суффиксальная ступень — снова поворот на 180 градусов = несовершенный вид; ступень со второй приставкой — поворот на 180 градусов = совершенный вид. В отношении вида каждая ступень является отменяющей сравнительно с предыдущей» (Панов 1999: 108-109). Соответственно особенность категории вида в русском (а также в других славянских языках) заключается в том, что вид выражается не конкретной морфемой, а самим «фактом присоединения этой морфемы на определенном деривационном этапе, иными словами — переходом лексемы из одной словообразовательной модели в другую» (Плунгян 2011: 299).

Возможность образования подобных деривационных цепочек с механизмом зачеркивания грамматического эффекта предыдущей ступени деривации имеется во всех славянских языках, характеризующихся богатой системой глагольных префиксов и суффиксов, но границы суффиксации и префиксации глаголов в славянских языках существенно различаются. Важно подчеркнуть, что при этом названные словообразовательные процессы имеют однотипные грамматические последствия, являющиеся системообразующими для славянского вида, — перфективацию и имперфективацию глаголов, при которых меняется грамматическая природа глаголов, их сочетаемость и формообразование.

Как известно, славянские языки объединяет ряд особенностей семантики, сочетаемости и употребления видов, прежде всего характерные ограничения на сочетаемость и употребление глаголов СВ, которые 1) не сочетаются с фазовыми глаголами — нельзя сказать **начал построить*; 2) не употребляются при обозначении актуального длящегося процесса (совпадающего с моментом речи). Соответственно в ответ на вопрос «Что ты сейчас делаешь?» в славянских языках не могут быть употреблены глаголы СВ, а только глаголы НСВ, например: *Что ты сейчас делаешь? — Пишу письмо / чешск. Co ted' deláš? — Pišu dopis / словен. Kaj pravkar delaš? — Pišem pismo*. Именно эти функциональные черты совершенного вида прежде всего определяют специфику славянской аспектуальной системы по сравнению с неславянскими аспектуальными системами деривационного типа, которые мы рассматриваем в следующем разделе.

3.2. Сопоставление аспектуальных деривационных категорий в славянских и неславянских языках. Сопоставление славянского вида с аспектуальными системами других языков показало, что тесное взаимодействие глагольного словообразования и видообразования — это не только славянская черта. По данным П. М. Аркадьева, аспектуальные категории деривационного типа имеются в целом ряде языков

Европы: в балтийских языках (литовском и латышском), в венгерском и др., а также в ряде языков Кавказа, в частности в осетинском и грузинском. Во всех этих языках представлены глаголы-перфективы, которые образуются при помощи приставок (превербов) и по значению и функциям проявляют сходства со славянскими глаголами СВ (Аркадьев 2015), в частности отмечается перфективирующее свойство глагольных приставок-превербов. По отношению к таким языкам в типологии говорят о виде «в славянском стиле», в котором *«видовые значения выражаются ... деривационной морфологией»* (Татевосов 2019: 47). Превербы определяются как особый класс языковых единиц, сходных со славянскими глагольными префиксами, но в некоторых языках они имеют ряд особенностей, в частности отделяемость от глагольной основы. Превербы могут выступать как ограничители глагольного действия, *«в ходе грамматикализации приобретающие более абстрактные значения»*, обусловленные перфективирующей функцией превербов (Аркадьев 2015: 12). Далее мы используем термины «превербы» и «префиксы» как синонимы.

В балтийских, в грузинском и осетинском языках превербы обладают ярко выраженной перфективирующей функцией, причем отмечается, что отдельные префиксы могут стать перфективаторами «в чистом виде» (Аркадьев 2015: 74-75). *«Простые глаголы в этих языках обычно обозначают ситуации либо вовсе неопредельные ('ходить', 'спать'), либо потенциально предельные ('бежать', 'строить'): эти ситуации по своей природе направлены на достижение некоторого конечного результата, однако этот результат не может быть выражен при помощи простого глагола. Превербы используются как раз для указания на достижение потенциально предельной ситуацией результата, на актуализацию предела»* (Аркадьев 2015: 64). Наибольшую близость к славянским языкам в аспектуальной сфере проявляет кавказский аспектуальный кластер, и прежде всего осетинский язык. Но при этом отмечены и существенные различия в славянских и неславянских аспектуальных системах деривационного типа, которые позволяют определить специфику славянского вида среди аспектуальных систем деривационного типа, о чем речь пойдет ниже.

Как было отмечено в конце предыдущего раздела, глаголы СВ в славянских языках не могут выражать неограниченный процесс, который можно разбить на фазы и представить как протекающий в момент говорения, поэтому они не сочетаются с фазовыми глаголами и не выражают актуальное настоящее. В большинстве же аспектуальных деривационных систем неславянских языков (за исключением осетинского языка) сочетание инфинитива превербных глаголов с фазовыми предикатами возможно. А в грузинском языке *«с фазовыми предикатами в норме сочетается именно превербная форма глагола... беспрефиксальная форма при фазовых предикатах допускается лишь с неопредельными глаголами, которые в норме не сочетаются с превербами»* (Аркадьев 2015: 101-102). Аналогично превербные глаголы могут выражать актуальное настоящее, при этом в языках кавказского ареала к такому употреблению способны глаголы перемещения, а в балтийских языках этому способствует *«лексикализованность сочетания преверба с глаголом»* (Аркадьев 2015: 102). Актуально-процессное значение превербных глаголов движения отмечается даже в осетинском языке (Аркадьев 2015: 84), аспектуальная система которого проявляет наибольшее сходство со славянскими

языками (Татевосов 2019, Аркадьев 2015: 70, 102). Соответственно в осетинском языке обнаруживается и подобие славянской вторичной имперфективации, что, как представляется, закономерно связано с сочетаемостными и функциональными ограничениями превербных перфективных глаголов, тогда как в других языках «славянского стиля» необходимости во вторичной перфективации не возникает.

Важно подчеркнуть, что степень грамматикализации деривационных процессов в славянских языках значительно выше, чем во всех упомянутых выше языках, в том числе и в кавказских языках. *«Одним из признаков грамматикализации является и вовлечение в «орбиту» категории, ядром которой служат превербные глаголы, предикатов иного морфологического состава; наиболее ярко это проявляется в славянских языках, где все без исключения морфосинтаксические и семантические признаки СВ охватывают перфективные глаголы любого морфологического устройства»* (Аркадьев 2015: 157). Действительно, в славянских языках, в отличие от языков «славянского стиля», в категорию перфективности вовлекаются глаголы СВ и без префиксов (типа *бросить, дать*), эффектом перфективации обладает и суффикс *-ну-* (*крикнуть, стукнуть*). Кроме того, С. Г. Татевосов, подробно сопоставив в русском и осетинском языках префиксацию предельных глаголов, способных выражать результативное значение, типа *улететь, написать*, выявил семантические различия в механизме префиксации между данными языками. В русском языке в семантике префиксального глагола фиксируется результирующее состояние, возникающее *«как денотат грамматического элемента, получающего фонологическую реализацию с помощью префикса»* (*написал письмо=письмо написано*), в осетинском языке этот механизм иной — неграмматического характера, а результирующее состояние выражается независимо от префиксации, до нее (Татевосов 2019: 47, 69).

4. КРАТКИЕ ВЫВОДЫ

1. Наш анализ показал, что смысл основных аспектуальных терминов, в частности таких как «перфективация», «предельная ситуация», «предельность», зависит от особенностей конкретного языка, на материале которого проводится анализ. Мы признаем возможность создания универсально-типологической модели аспекта (Плунгян 1998: 2011) как системы универсальных семантических элементов, которые характеризуют внутреннюю временную структуру ситуации и релевантны для всех языков, но при этом констатируем, что в каждом языке реализуется конкретно-языковая специфика данных универсальных элементов, зависящая от лексического или грамматического способа их выражения и взаимодействия с другими категориями глагола.

2. Термины «предел», «предельный», «предельность» в русистике употребляются неоднозначно, что усложняет саму теорию предельности. Поэтому необходимо терминологически разграничить предельность лексическую, когда темпоральная структура ситуации выражена в семантике глагола, и предельность грамматическую, представляющую особый уровень категоризации действия с точки зрения его протекания во времени в грамматической категории вида.

3. Грамматическая категория вида во всех славянских языках обладает концептуальной общностью, несмотря на различия в употреблении видов в отдельных языках, которая проявляется в особенностях семантики, сочетаемости и употребления видов, прежде всего глаголов совершенного вида. Последние исключают представления об открытом процессе действия и соответственно не сочетаются с фазовыми глаголами и не употребляются при обозначении актуального длящегося процесса (совпадающего с моментом речи). Устранение представления о процессуальности действия в семантике глаголов СВ в славянских языках реализуется двояко: при представлении действия, неразложимого на фазы, т. е. целостно, и при сосредоточении внимания на временной границе действия как его пределе. При этом славянские языки могут различаться профилированием данных концептов, т. е. фокусом внимания в рамках единой концептуальной базы.

4. Сопоставительное изучение категории вида в славянских языках выявило, что в русском языке для глагольного вида и всей аспектуальной системы в целом более значима идея ПРЕДЕЛА как временной ГРАНИЦЫ между смежными ситуациями, чем в чешском и словенском языках, в которых в семантике СВ в большей степени актуализирована идея ЦЕЛОСТНОСТИ действия, без выделения его границ. Концепт ПРЕДЕЛА как актуализация темпоральной границы действия, конечной и / или начальной, в русском языке относится к таким фундаментальным идеям, которые характеризуются частотностью и разнообразием форм выражения: не только в категории глагольного вида, но и в глагольном словообразовании — в многочисленных производных и употребительных глаголах с семантикой начала (в отличие от чешского, словенского и ряда других западнославянских и южнославянских языков) и / или конца действия, а также в семантике терминативных глаголов СВ, имеющих в славянских языках сходную морфемную структуру.

5. Приведенные в настоящей статье данные свидетельствуют о разной степени грамматикализации аспектуальных категорий деривационного типа в славянских и неславянских языках. Самым важным с типологической точки зрения проявлением грамматикализации категории вида в славянских языках являются ограничения на употребление глаголов СВ в настоящем актуальном (что определяет временную парадигму личных и неличных (причастных) форм в зависимости от вида глагола), при этом лексическое значение глаголов СВ не играет никакой роли, в отличие от языков с аспектуальными системами «славянского стиля». В языках кавказского ареала некоторые семантические классы превербных глаголов, а именно глаголы перемещения, могут выражать актуальное настоящее, а в балтийских языках употреблению превербных глаголов в этом значении способствует изменение семантики, лексикализация глагола при добавлении преверба. Интересным феноменом является рассмотренный выше факт, что в грузинском языке с фазовыми предикатами сочетаются, как правило, именно превербные глаголы. Их функциональное противопоставление с простыми глаголами и другие закономерности употребления, проанализированные в (Аркадьев 2015), свидетельствуют о превращении глагольных пространственных модификаторов в показатели предельности и перфективности. Но перефективность в грузинском языке и ряде других языков существенно отличается от славянской перфективности, так как не исключает, как в славянских языках, выражение превербными глаголами длительности и процессуальности

действия. Поэтому трудно согласиться с утверждением П. М. Аркадьева о том, что в славянских языках «*запрет на употребление перфективных глаголов в фазовых конструкциях семантически слабо мотивирован*» (Аркадьев 2015: 157). В отечественной аспектологии представлено семантическое обоснование этого запрета (рассмотренное в данной статье в разделе 2.4.): именно категориальная семантика совершенного вида не допускает пофазное и процессуальное представление действия, названного глаголом СВ.

БИБЛИОГРАФИЯ

- АРКАДЬЕВ П. М. (2015): *Ареальная типология префиксального перфектива (на материале языков Европы и Кавказа)*. Языки славянской культуры, Москва.
- БОНДАРКО А. В. (1971). *Вид и время русского глагола*. Просвещение, Москва.
- БОНДАРКО А. В. (1986): Семантика предела. *Вопросы языкознания*, № 1, с. 59-71.
- БОНДАРКО А. В. (1987): «Аспектуальность» in *Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность*. Таксис. Наука, Ленинград.
- БОНДАРКО А. В. (2002): *Теория значения в системе функциональной грамматики*. Языки славянской культуры, Москва.
- ВИНОГРАДОВ В. В. (1972): *Русский язык (Грамматическое учение о слове)*. Русский язык, Москва.
- ГИРО-ВЕБЕР М. (1990): Вид и семантика русского глагола. *Вопросы языкознания*, № 2, с. 102-112.
- ГОРБОВ А. А., ГОРБОВА Е. В. (2012): «Предел, предельность, трансформативность, telicity — терминологическое недоразумение рубежа веков?» in *От значения к форме, от формы к значению: Сборник статей в честь 80-летия члена-корреспондента РАН Александра Владимировича Бондарко*. Языки славянских культур, Москва, с. 116-125.
- ГОРБОВА Е.В. (2012): «О строении аспектуально-темпоральной системы испанского языка», in *Acta linguistica petropolitana. Труды института лингвистических исследований*, Т. VIII, № 2, с. 149-180.
- ГУСМАН ТИРАДО Р. (2012): «Особенности таксисных отношений в русском и испанском языках» in *От значения к форме, от формы к значению. Сборник статей в честь 80-летия Александра Владимировича Бондарко*. Языки славянских культур, Москва, с. 490-502.
- ЗАЛИЗНЯК А. А., ШМЕЛЕВ А. Д. (2000): *Введение в русскую аспектологию*. Языки русской культуры, Москва.
- ЛЕКАНТ П. А. (ред.) (2013): *Современный русский литературный язык. Академический учебник*. Высшая школа, Москва.
- МАСЛОВ Ю. С. (1963): *Морфология глагольного вида в современном болгарском литературном языке*. Издательство Академии наук СССР, Москва – Ленинград.
- МАСЛОВ Ю. С. (1984): *Очерки по аспектологии*. Издательство Ленинградского государственного университета, Ленинград.

- МАСЛОВ Ю. С. (2004): *Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание. Языки славянской культуры*, Москва.
- МЕЛИГ Х. Р. (2003): «Взаимодействие предельности глагольного описания ситуации и предельности вида в русском и английском языках» in *Грамматические категории — иерархии, связи, взаимодействие: материалы Международной научной конференции, Санкт-Петербург, 22-24 сентября 2003*. Санкт-Петербург, с. 95-98.
- НЕДЯЛКОВ В. П. (отв. редактор) (1983): *Типология результативных конструкций: результатив, статив, пассив, перфект*. Наука, Ленинград.
- ПАДУЧЕВА Е.В. (2009): Лексическая аспектуальность и классификация предикатов по Маслову Вендлеру. *Вопросы языкознания, №6*, с. 3-21.
- ПАНОВ М. В. (1999): *Позиционная морфология русского языка*. Наука. Языки русской культуры, Москва.
- ПЕТРУХИНА Е. В. (2009): Объяснительная теория славянского глагольного вида. *Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. №5*, с. 111-127.
- ПЕТРУХИНА Е. В. (2012): *Аспектуальные категории глагола в русском языке в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским языками*. Второе издание, УРСС, Москва.
- ПЕТРУХИНА Е. В. (2013): Типы процессной семантики несовершенного вида в русском и чешском языках. *Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. № 4*, с. 49-69.
- ПЕТРУХИНА Е. В. (2014): «Русский вид как морфологическая деривационная категория в контексте современных исследований видовой коррелятивности», *Scando-Slavica, Is.2*, с. 253-274.
- ПЕТРУХИНА Е. В. (2015): Вид в грамматическом контексте пассива (на материале русского и чешского языков) in *Глагольный вид: грамматическое значение и контекст*. Verlag Otto Sagner, Berlin. с. 404-420.
- ПЕТРУХИНА Е. В. (2019): «Интерпретация видовых различий между русским, чешским и словенским языками». *Slavistična Revija, № 1*, с. 31-49.
- ПЕТРУХИНА Е. В., КАНЭКО Ю. (2017). «Роль грамматики и аспектуальных классов глаголов в репрезентации событий в русском и японском языках» in *Репрезентация событий: интегрированный подход с позиции когнитивных наук* (Заботкина В.И — ред.). Языки славянской культуры. Москва, с. 235-253.
- ПЛУНГЯН В. А. (1998): «Перфектив, комплетив, пунктив: терминология и типология» in *Типология вида: проблемы, поиски, решения (отв. ред. М.Ю. Черткова)*. Языки русской культуры, Москва, с. 370-381.
- ПЛУНГЯН В. А. (2011): Типологические аспекты славянской аспектологии (некоторые дополнения к теме). *Scando-Slavica. №. 2*, с. 290-310.
- СМИТ К. С. (1998): «Двухкомпонентная теория вида» in *Типология вида: проблемы, поиски, решения*. (отв. ред. М. Ю. Черткова). Языки русской культуры, Москва с. 404-422.
- ТАТЕВОСОВ С. Г. (2009): «Множественная префиксация и анатомия русского глагола» in *Корпусные исследования по русской грамматике*. Пробел-2000, Москва, с. 92-156.
- ТАТЕВОСОВ С. Г. (2013): «Множественная префиксация и ее следствия (заметки о физиологии русского глагола)». *Вопросы языкознания, № 3*, с. 42-89.

- ТАТЕВОСОВ С. Г. (2015): *Акциональность в лексике и грамматике. Глагол и структура события*. Языки славянской культуры, Москва, 2015.
- ТАТЕВОСОВ С. Г. (2019): «Аспекты славянского стиля». *Вопросы языкознания*, №2, с. 47-81.
- ХОЛОДОВИЧ А. А. (1963): «О предельных и неопредельных глаголах (по данным корейского и японского языков)» in *Филология стран Востока*. № 14.
- ХОЛОДОВИЧ А. А. (1979): *Проблемы грамматической теории*. Наука, Ленинград.
- ШАТУНОВСКИЙ И. Б. (2009): *Проблемы русского вида*. Языки славянских культур, Москва.
- ШВЕДОВА Н. Ю. (ответственный редактор) (1980): *Русская грамматика*. Т. 1. Наука, Москва.
- DICKEY S. M. (2000): *Parameters of Slavic aspect. A cognitive approach*. CSLI publications, Stanford, California.
- DICKEY S. M. (2011): «The Varying Role of *po-* in the Grammaticalization of Slavic Aspectual Systems: Sequences of Events, Delimitatives, and German Language Contact». *Journal of Slavic Linguistics* 19 (2), p. 175-230.
- DICKEY S. M., HUTCHESON J. (2003): «Delimitative Verbs in Russian, Czech and Slavic», Maguire, R. A. and A. Timberlake (Eds.), *American Contributions to the Thirteenth International Congress of Slavists*, Columbus, p. 23-36.
- GUZMÁN TIRADO R., HERRADOR DEL PINO M. (2002): «El aspecto verbal en español: historia de la cuestión y nuevas aportaciones a su estudio». *SANTIAGO*, no. 96, pp. 27-45.
- PETRUKHINA E. (2018): «Categorial aspectual semantics and distinctions in aspect usage between Russian and Czech: the concept of LIMIT». *BALKANISTIC FORUM*, vol. 3, p. 88-100.

BIBLIOGRAPHY

- ARKAD'EV P. M. (2015): *Areal'naya tipologiya prefiksalnogo perfektiva (na materiale yazykov Evropy i Kavkaza)*. Yazyki slavyanskoj kul'tury, Moskva.
- BONDARKO A. V. (1971): *Vid i vremya russkogo glagola*. Prosveshchenie, Moskva.
- BONDARKO A. V. (1986): «Semantika predela». *Voprosy yazykoznanija*, № 1, s. 59–71.
- BONDARKO A. V. (1987): «Aspektual'nost'» in *Teoriya funkcional'noj grammatiki: Vvedenie. Aspektual'nost'. Vremennaya lokalizovannost'. Taksis*. Nauka, Leningrad.
- BONDARKO A. V. (2002): *Teoriya znachenija v sisteme funkcional'noj grammatiki*. Yazyki slavyanskoj kul'tury, Moskva.
- DICKEY S. M. (2000): *Parameters of Slavic aspect. A cognitive approach*. CSLI publications, Stanford, California.
- DICKEY S. M. (2011): «The Varying Role of *po-* in the Grammaticalization of Slavic Aspectual Systems: Sequences of Events, Delimitatives, and German Language Contact». *Journal of Slavic Linguistics* 19 (2), p. 175-230.
- DICKEY S. M., HUTCHESON J. (2003): «Delimitative Verbs in Russian, Czech and Slavic», Maguire, R. A. and A. Timberlake (Eds.), *American Contributions to the Thirteenth International Congress of Slavists*, Columbus, p. 23-36.

- GIRO-VEBER M. (1990): «Vid i semantika russkogo glagola». *Voprosy yazykoznaniya*. № 2, s. 102–112.
- GORBOV A. A., GORBOVA E. V. (2012): «Predel, predel'nost', transformativnost', telicity — terminologicheskoe nedorazumenie rubezha vekov?» in *Ot znacheniya k forme, ot formy k znacheniyu*: Sbornik statej v chest' 80-letiya chlena-korrespondenta RAN Aleksandra Vladimirovicha Bondarko. *Yazyki slavyanskih kul'tur*, Moskva, s. 116-125.
- GORBOVA E. V. (2012): «O stroenii aspektual'no-temporal'noj sistemy ispanskogo yazyka», in *Acta linguistica petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskikh issledovanij*, T. VIII, № 2, s. 149-180.
- GUSMAN TIRADO R. (2012): «Osobennosti taksisnyh otnoshenij v russkom i ispanskom yazykah» in *Ot znacheniya k forme, ot formy k znacheniyu*. Sbornik statej v chest' 80-letiya Aleksandra Vladimirovicha Bondarko. *Yazyki slavyanskih kul'tur*, Moskva, s. 490-502.
- GUZMÁN TIRADO R., HERRADOR DEL PINO M. (2002): «El aspecto verbal en español: historia de la cuestión y nuevas aportaciones a su estudio». *SANTIAGO*, no. 96, pp. 27-45.
- KHOLODOVICH A. A. (1963): «O predel'nyh i nepredel'nyh glagolah (po dannym korejskogo i yaponskogo yazykov)» in *Filologiya stran Vostoka*. № 14.
- KHOLODOVICH A. A. (1979): *Problemy grammaticheskoy teorii*. Nauka, Leningrad.
- LEKANT P. A. (red.) (2013): *Sovremennyj russkij literaturnyj yazyk. Akademicheskij uchebnik*. Vysshaya shkola, Moskva.
- MASLOV Yu. S. (1963): *Morfologiya glagol'nogo vida v sovremennom bolgarskom literaturnom yazyke*. Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, Moskva - Leningrad.
- MASLOV Yu. S. (1984): *Ocherki po aspektologii*. Izdatel'stvo Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta, Leningrad.
- MASLOV Yu. S. (2004): *Izbrannye trudy. Aspektologiya. Obshchee yazykoznanie*. Yazyki slavyanskoj kul'tury, Moskva.
- MELIG H. R. (2003). «Vzaimodejstvie predel'nosti glagol'nogo opisaniya situacii i predel'nosti vida v russkom i anglijskom yazykah» in *Grammaticheskie kategorii — ierarhii, svyazi, vzaimodejstvie: materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Sankt-Peterburg, 22-24 sentyabrya 2003*. Sankt-Peterburg, s. 95-98.
- NEDYALKOV V. P. (otv. redaktor) (1983): *Tipologiya rezul'tativnyh konstrukcij: rezul'tativ, stativ, passiv, perfekt*. Nauka, Leningrad.
- PADUCHEVA E. V. (2009). «Leksicheskaya aspektual'nost' i klassifikaciya predikatov po Maslovu Vendleru». *Voprosy yazykoznaniya*. №6, s. 3-21.
- PANOV M. V. (1999): *Pozicionnaya morfologiya russkogo yazyka*. Nauka. Yazyki russkoj kul'tury, Moskva.
- PETRUKHINA E. V. (2009): «Ob'yasnitel'naya teoriya slavyanskogo glagol'nogo vida». *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya*. №5, s. 111-127.
- PETRUKHINA E. V. (2012): *Aspektual'nye kategorii glagola v russkom yazyke v sopostavlenii s cheshskim, slovackim, pol'skim i bolgarskim yazykami*. Vtoroe izdanie, URSS, Moskva.
- PETRUKHINA E. V. (2013): «Tipy processnoj semantiki nesovershennogo vida v russkom i cheshskom yazykah». *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya*. № 4, s. 49-69.

- PETRUKHINA E. V. (2014): «Russkij vid kak morfoloģicheskaya derivacionnaya kategoriya v kontekste sovremennyh issledovanij vidovoj korrelyativnosti», *Scando-Slavica, Is. 2*, s. 253-274.
- PETRUKHINA E. V. (2015): «Vid v grammaticheskom kontekste passiva (na materiale russkogo i cheshskogo yazykov)» in *Glagol'nyj vid: grammaticheskoe znachenie i kontekst*. Verlag Otto Sagner, Berlin. s. 404-420.
- PETRUKHINA E. V. (2018): «Categorical aspectual semantics and distinctions in aspect usage between Russian and Czech: the concept of LIMIT». *Balkanistic forum, vol. 3*, p. 88-100.
- PETRUKHINA E. V. (2019): «Interpretaciya vidovyh razlichij mezhdru russkim, cheshskim i slovenskim yazykami». *Slavistična Revija, № 1*, s. 31-49.
- PETRUKHINA E. V., KANEKO Yu. (2017). «Rol' grammatiki i aspektual'nyh klassov glagolov v reprezentacii sobytij v russkom i yaponskom yazykah» in *Reprezentaciya sobytij: integrirovannyj podhod s pozicii kognitivnyh nauk (Zabotkina V.I — red.)*. Yazyki slavyanskoj kul'tury. Moskva, s. 235-253.
- PLUNGYAN V. A. (1998): «Perfektiv, kompletiv, punktiv: terminologiya i tipologiya» in *Tipologiya vida: problemy, poiski, resheniya (otv. red. M. Yu. Chertkova)*. Yazyki russkoj kul'tury, Moskva, s. 370-381.
- PLUNGYAN V. A. (2011): *Tipologicheskie aspekty slavyanskoj aspektologii (nekotorye dopolneniya k teme)*. *Scando-Slavica. № 2*, s. 290-310.
- SMIT K. S. (1998): «Dvuhkomponentnaya teoriya vida» in *Tipologiya vida: problemy, poiski, resheniya. (otv. red. M. Yu. Chertkova)*. Yazyki russkoj kul'tury, Moskva, s. 404-422.
- TATEVOSOV S. G. (2009): «Mnozhestvennaya prefiksaciya i anatomiya russkogo glagola» in *Korpusnye issledovaniya po russkoj grammatike. Probel-2000*, Moskva, s. 92-156.
- TATEVOSOV S. G. (2013): «Mnozhestvennaya prefiksaciya i eyo sledstviya (zametki o fiziologii russkogo glagola)». *Voprosy yazykoznaniya, № 3*, s. 42-89.
- TATEVOSOV S. G. (2015): *Akcional'nost' v leksike i grammatike. Glagol i struktura sobytiya. Yazyki slavyanskoj kul'tury*, Moskva, 2015.
- TATEVOSOV S. G. (2019): «Aspekty slavyanskogo stilya». *Voprosy yazykoznaniya, №2*, s. 47-81.
- SHATUNOVSKIJI. B. (2009): *Problemy russkogo vida*. Yazyki slavyanskih kul'tur, Moskva.
- SHVEDOVA N. YU. (otvetstvennyj redaktor) (1980): *Russkaya grammatika. T. 1*. Nauka, Moskva.
- VINOGRADOV V. V. (1972): *Russkij yazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove)*. Russkij yazyk, Moskva.
- ZALIZNYAK A. A., SHMELEV A. D. (2000): *Vvedenie v russkuyu aspektologiyu*. Yazyki russkoj kul'tury, Moskva.